

Павел Никиткин

Павел Маркелович Никиткин родился в 1950 в Калужской области. Воспитывался в детском доме. После школы окончил Абрамцевское художественное училище, отслужил в армии.

В 1974 переехал на Дальний Восток. Окончил факультет русского языка и литературы Благовещенского пединститута.

Член Союза художников России и Союза российских писателей. Автор четырёх сборников стихов и двух книг прозы. Его стихи и рассказы печатались в журналах «Амур-батюшка» и «Дальний Восток», в альманахе «Амур», в коллективных сборниках дальневосточных писателей.

За сборник прозы «Русский берег» (Саранск, 2009) Павел Никиткин удостоен Амурской премии в области литературы и искусства.

Рассказы

Иванов сон

Сегодня Иван Подойницын на работу пришёл как никогда поздно — за пять минут до начала смены. Прежде такого с ним не бывало. Десять лет прошло с тех пор, когда по состоянию здоровья он вынужден был сменить профессию машиниста тепловоза на токаря. Все десять лет приходил в цех за полчаса до работы, заходил в инструменталку к Палычу, делился семейными новостями или планами на ближайшие выходные или просто сидел, обдумывая задание на рабочий день.

А сегодня изменил давней привычке. Переоделся — и прямо к станку. Да и работал как-то странно. Возьмёт в руки деталь или штангенциркуль, а сам глядит куда-то в сторону и улыбается. Не похоже это на него.

Палычу из инструменталки через открытую дверь это видно хорошо. «За время отпуска выбился из рабочего графика старый, — подумал давнишний сосед и товарищ. — Сегодня и в депо шли не вместе, как обычно. Что-то с ним не так».

Во время перерыва Палыч не стал дожидаться прихода Ивана, а сам направился к станку токаря.

— Пойдём, Иван, на свежий воздух, посидим в черёмухах, отдохнём без курильщиков.

На территории депо посёлка Кандагачи был такой уголок, где густо росла черёмуха. Кто-то давно поставил в этом тихом уголке скамейки, но рабочие во время перерывов редко приходили отдохнуть в тени деревьев. Все спешили в курилку «забить козла».

— Ты почему сегодня какой-то странный? Ко мне не зашёл, молчишь и улыбаешься, словно деревянную железку нашёл? Или за отпуск обленился, разоспался? Даже на работу чуть не опоздал.

— Нет, Коля, за отпуск не разленился — некогда было. Задумал я переоформить на своё имя гараж. Раньше-то он числился за покойной Валентиной. Пришла бумага на оплату налога на землю и строение, а владелицы-то нет. Вот и пришлось весь отпуск бумаги по конторам собирать. Морока.

— Дело-то сделал?

— Нет. Теперь надо ждать суда. Через суд такие дела решаются.

— Чего решать-то? Землю вам выделили законно, строил этот гараж сам... Чего ещё решать?

— Порядки теперь такие. И, заметь, за каждую бумажку платить нужно. И деньги не малые. Так что улетела моя пенсия в доход государству, да ещё и часть отпускных прихватила. Вот такие дела, Коля.

— Так от этого не улыбаться нужно, а зубами скрипеть. А ты улыбаешься, словно немного тронутый.

— Улыбаюсь я другому. Сон мне приснился. Такой сон, что чуть на работу не опоздал. Хорошо, сын разбудил.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи. Неужто молодайки приснились?

— Какие молодайки? Нам с тобой скоро будет по семьдесят, а ты, старый кобель, всё о молодайках думаешь. Сон мне приснился дюже интересный.

— Так рассказывай, не томи.

— Снится мне, что в такой вот летний день стою я на выходных путях из депо, а мимо проходит поезд. Странный поезд: локомотив и всего один вагон с пассажирами. Весь поезд украшен бумажными цветами, венками и гирляндами из воздушных шаров, а над окнами машины висит лозунг «К богатству и славе!»

Когда поезд, не сбавляя скорости, поравнялся со мной, захотелось и мне на нём поехать. Ухватился за поручень, но как-то неловко. Руки в мазуте скользят, не держат. И тут в тамбуре появляется такой тип с голубыми глазами, откормленный, словно боров, на бывшего главного инженера сильно похожий, и давай мои пальцы разгибать. Чтобы отцепился я.

Другие пассажиры в окна высунулись и советы ему дают: «Каблуками его по пальцам, по ногтям! Ишь, грязная рожа, к счастью захотел».

Когда, Коля, я разглядел этих пассажиров, то руки сам чуть не разжал. Почти все с нашей «Рублёвки».

Одна особа с тремя подбородками, то ли из собеса она, то ли из пенсионного фонда, кричит: «Сбрасывай его, сбрасывай, а то и там будет ходить надбавки да льготы к пенсии выпрашивать, на лекарства деньги требовать».

Другие вопят: «Не нужны нам такие попутчики! У него с собой даже сумки нет. Не будем его кормить! Обуза он для нас!»

Ещё двое из одного окна высунулись — близнецы, да и только. Даже странно, как они в проёме поместились. Ухмыляются, лысины на солнце сверкают. Один, что постарше, сексот — это я точно знаю. Он ещё чужими работами с китайцами торговал. А второй разбогател на продаже общественных земель строительным

организациям. Рожи у обоих красные, глаза от натуги на лоб лезут, пытаются всех перекричать: «С хамами нам не по пути! Сбрасывай это быдло!»

Дальше в окне топором размахивает и тоже что-то кричит наш «чёрный» лесоруб. Ты его прекрасно знаешь — на углу Партизанской живёт.

Да, Коля, таких пассажиров я надолго запомнил. Почти всех узнал: и полицейское начальство, и коммунальщиков, и бывших работников администрации. Весь «цвет» нашего посёлка — жульё и ворьё.

Чуть не забыл. Ведёт-то поезд — скажу тебе по секрету — наш бывший вождь, что украл у народа почти пять миллиардов долларов. Покойник, а поезд ведёт.

Едем. Вдруг поезд начало сильно трясти. Глянул я вниз — Боже мой! — едем-то уже не по рельсам, а по холмикам, по могилкам. Кресты сбиваем! Как только это увидел, руки сами разжались, и покатился я под откос...

Иван замолчал и посмотрел куда-то вверх, где сквозь зелёную листву черёмух синело небо.

— Да разве же это сон? — приобнял Ивана Николай. — Это явь сегодняшняя. Вот если бы из этого вагона тебе руку помощи протянули да с собой взяли — это был бы сон. На твой и время тратить жалко, а ты ещё улыбаешься.

— Погоди, Коля, ещё не всё.

— Что? Тебе потом и морду набили?

— Нет. Снится мне, что только я на ноги встал и отряхнулся, как услышал в той стороне, где поезд скрылся, грохот, скрежет и людские крики. Недолго этот поезд шёл без меня — разбился.

Пошёл я в обратный путь. К депо подхожу и слышу, как по радио, что в стране по случаю такой аварии объявляется трёхдневный траур. Потом музыку включили, как осенью восемьдесят второго.

Работники нашего депо, словно и не слышат этого сообщения, работают, не прекращая. А мне захотелось вдруг сплясать, хотя от падения болят и руки, и ноги, и всё моё старое тело.

Вот поэтому я и улыбаюсь сегодня весь день.

— Снится же человеку всякая хрень, а он потом это переживает.

— Не скажи, Коля... Всё-таки хорошо, что не влез я в этот поезд.

— Ладно, Иван Денисыч, давай — к станку. Перерыв заканчивается.

Память осени

Не спалось. В голову приходили воспоминания. Обрывками, без всякой связи.

Он встал рано, как вставал во все прожитые годы. Привычка военного человека. Тихо, чтобы не разбудить жену и домочадцев, прошёл в туалет. Побрился, умылся, сделал небольшую зарядку. На кухне приготовил лёгкий завтрак, а заодно прослушал по радио последние известия. Тоже старая привычка.

Сегодня воскресенье, и Ефим Ильич решил провести этот день в одиночестве. Не тревожа близких и друзей, уйти от телефона и телевизора, от мелких домашних хлопот. Не часто бывают свободные выходные: то нужно их посвятить детям, то дача требует его рук, то ещё какие-нибудь дела найдутся. А сегодня...

Задумано — сделано.

На дворе сентябрь. Несмотря на то, что синоптики обещали ясный день, надел плащ и взял зонтик. На всякий случай. Куда направиться — это решено ещё ночью. Он мог пойти в парк культуры имени Горького, где каждый год встречается с однополчанами, где вспоминает с ними дела боевые, фронтовых товарищей — и живых, и тех, что не вернулись. Но сегодня не этого хотелось. Тихая, тонкая грусть на сердце требовала уединения. Не лесной тишины, не полной изоляции, а той успокоенности, какую обретаешь наедине с самим собой. И он знал место, которое в полной мере подходило к сегодняшнему настроению. «И отчего это? Неужели осень так повлияла? Или это осень жизни? Поздняя».

В Александровском саду почти никого не было — воскресенье, утро. Он прошёл к могиле Неизвестного солдата, снял шляпу, положил на гранит букетик цветов, что купил у старушки при выходе из метро. Долго стоял, склонив голову. Потом направился вглубь сада, присел на скамейку. Достал из кармана вчерашний номер «Вечерней Москвы», но взгляд пробежал по строчкам, а смысл прочитанного до сознания не доходил.

На колени упал жёлто-красный лист клёна. Ефим Ильич взял его за длинную ножку и повертел в одну сторону, потом в другую. На большой скорости узорный лист образовывал ровный оранжевый круг. «Вот так и жизнь — сплошной круговорот. А остановись, присмотришься внимательней к дням её — и заметишь, что все они разные, каждый — особенный. Вон сколько этих листьев налипло на мокрый асфальт дорожек, на скамейки, а двух одинаковых не найдёшь. Вот и мне сегодня захотелось остановиться. Осмотреться. Нет, подводить итоги ещё рано. Ещё есть дела. Работа на станции скорой помощи, дети, внуки — все требуют трудов и внимания».

Осенние листья. Хоть и не считал себя Ефим Ильич лириком, но душа его всегда откликалась на красоту. И сейчас он залюбовался ковром: на фоне коричневой Кремлёвской стены огнём горели пятна ярко-красных цветов клумб и опавших кленовых листьев. Лучи солнца, пробиваясь сквозь сплетения ветвей, подвижными «зайчиками» оживляли эту картину.

Взгляд скользил с одного пятна на другое и остановился на цветах, лежащих у Вечного огня. «Смотри-ка, сколько народа побывало! Не одного меня память тревожит. Люди это место не забывают. Да разве такое забыть возможно?»

Над бронзовой звездой могилы мерцало едва заметное пламя. В его мареве, словно живые, колыхались буквы надписей. Он напряг зрение, чтобы прочитать текст, но шевелящиеся буквы вдруг превратились в бегущих по полю солдат. Послышались крики, взрывы, стон. А вот и он сам — фельдшер с санитарной сумкой через плечо тащит раненого бойца. Это который из дней войны? Первый? Последний?

В первый день войны в рукопашной схватке был ранен и сам военфельдшер.

После госпиталя попал в кавалерию. Так и провоевал в 29-м гвардейском кавалерийском полку до Победы. Сначала под Москвой, затем под Харьковом. Участвовал в знаменитых рейдах по тылам врага, а потом — Будапешт, Братислава, Брно, Прага.

Да, со дня первого до дня последнего он — фельдшер Ефим Ильич Аронов — спасал раненых. Скольких спас? Десятки, сотни? Скольких вытащил с того света? А вот этого, что лежит неизвестным в Александровском саду, не спас...

Перед глазами встала нейтральная полоса у деревни Тарановка, с которой он выносит истекающего кровью командира взвода разведки. Тот без сознания, и жизнь, кажется, уже покидает его...

Ефим Ильич тряхнул головой, видение исчезло.

С бывшим разведчиком он встретился через двадцать пять лет после войны. Теперь это заслуженный артист РСФСР, работает директором театра на Таганке.

Аронов тяжело поднялся, постоял со склонённой головой у огня и направился к выходу. Медленно ушёл от шума Манежной площади к историческому музею, потом — на Красную площадь.

Выходя из дома, он не намечал маршрута, но, когда оказался в центре города, ноги сами принесли сюда. На то место, где стоял он в колонне 24 июня 1945 года на Параде Победы. Вот тот самый «пяточок». Несколько квадратных камешков брусчатки. Может, и они запомнили его?

Старший лейтенант, фельдшер кавалерийского полка, спасший за годы войны сотни бойцов и сам не раз спасённый, стал участником торжества Великой Победы, торжества жизни над коричневой чумой. Тогда он не думал так высокопарно, но грудь распирала радость необыкновенная. Душа, казалось, взмыла над Москвой, над всей землёй!

Сегодня не прийти сюда он не мог.

И опять перед глазами встали однополчане. Нет, это уже не война, а конец её.

Чехословакия. Полк (точнее, треть его — все, кто остался к тому времени в строю) поднят по тревоге и построен. Кавалеристы тщательно выбрились и прикрепили боевые награды. Дивизионное начальство, проводившее смотр, отобрало самых рослых и тех, у кого наград больше. Набралось человек тридцать. Потом ещё был отбор, после которого из их полка осталось всего двенадцать человек, в том числе и он, Ефим Аронов.

21 мая их вызвали в штаб корпуса. В общей сложности от соединения набралось человек двести. Группу построили на большом поле, в центре которого стояла командирская палатка. Вскоре из неё вышел генерал Плиев.

— Товарищи казаки! — сказал он. — Нам оказана большая честь — мы едем в Москву на Парад Победы!

Дружное «ура» прокатилось по полю. Вверх полетели кубанки, и генералу пришлось довольно долго успокаивать ликующих казаков. Такого счастья никто из них не мог даже и представить.

Парадный полк Второго Украинского фронта формировался в Братиславе, и в него влился батальон казаков.

В Москву везли на санитарном поезде — все раненые уже давно были распределены по госпиталям, — и именно в этом поезде Аронов понял, что война для него закончилась.

Тренировки шли ночью на Комсомольской площади. Нелегко было фронтовикам, отвыкшим от парадного шага, формы, шеренг. Потом здесь, на Красной площади, полки занимали установленные квадраты, заранее размеченные цветными полосами. Каждый полк и батальон имел строго закреплённое место, каждый участник парада — генерал, офицер, солдат — сзнал свой квадратик брусчатки...

Здесь, на Параде, он был вместе с Олегом Ивановским — однополчанином, другом, которому в бою под Валуйками пришлось оказывать помощь. Как тесно переплелись их судьбы!..

Олег тоже случайно попал в кавалерию. Был пограничником. Первый бой принял 22 июня. Потом, после войны, после Военно-медицинской академии в Ленинграде, и Ефим станет пограничником — начальником медицинской службы в далёком дальневосточном Благовещенске. Их дружба с Олегом длится до сих пор. Встречаются почти каждую неделю.

Вспоминаются те, кто не вернулся, и те, с которыми он прошагал не только всю войну, но и сорок лет после неё.

Солнце не по-осеннему начало припекать. Снял плащ, расстегнул пиджак.

Удивительный день. Только вчера было холодно и неуютно, а сегодня совсем не по-московски жарко. Время бабьего лета прошло, а вот...

С Красной площади он прошёл мимо ГУМа, по улице 25-го Октября, через площадь Революции в сквер Большого театра. Расположился на скамейке с подветренной стороны у фонтана. Порывы ветерка иногда наносили влажную морось, что освежало лицо. Опять достал газету, но не читалось. Стал наблюдать за соседями и прохожими. Вот на скамейку напротив присела парочка влюблённых. И сразу, не теряя времени попусту, принялась целоваться. Дело молодое...

А вот идут два таких же, как и он, ветерана. Ефим Ильич всегда в толпе выделяет фронтовиков и военных. Военные отличаются выправкой и каким-то особым отношением к собственной штатской одежде. Словно бы к временной, что ли?

Фронтовики замечательны независимым взглядом, поведением и особой статью. Понятно почему — они прошли сквозь такое пекло, что житейские невзгоды им представляются мелкими и никчёмными. Взгляд у них горд и независим. Движения просторные, не скованные. Крепкий, особый народ. Потому и берутся они за большие дела без боязни и страха. А как иначе? Таковую страну подняли из пепелищ и развалин!

А вот спешит, цокая каблучками по асфальту, молодая женщина. В руках держит большой букет гладиолусов. Повернула лицо в сторону Ефима Ильича. Господи, да это же... Нет, обознался. Да и откуда тут может появиться Кветослава? Если бы она приехала в Союз, то обязательно сообщила бы ему об этом. А как эта женщина похожа на Кветославу!

И опять грезится явь войны.

Это было 1 мая 1945 года неподалеку от Брно. Полк вёл тяжёлые бои, раненых было много. Аронов не успевал оказывать первую помощь. Метался от одной воронки к другой, сопровождал, а порой на себе доставлял раненых в медпункт. Немцы остервенело обстреливали деревню. Весь день шёл тяжёлый бой. Около полуночи в медпункт пробрался какой-то мужчина. Он просил медиков оказать помощь женщине, у которой начались роды. Аронов прихватил сумку с медикаментами и направился вслед за чехом. Роженица была в подвале одного из домов. Он принял ребёнка, сделал всё необходимое в таких случаях. Уже собрался уходить — в медпункте ждут раненые, — но благодарные родственники спросили, как бы русский доктор назвал девочку.

— Майей. Ведь сегодня — Первое мая.

— По-чешски это Кветослава, — заметил кто-то.

С тех пор прошло много времени. Однажды на приёме в посольстве Чехословакии, где чествовали освободителей, он рассказал об этом случае.

Правда, названия деревни он не помнил, но это не помешало одной из участниц приёма, преподавательнице русского языка из Чехословакии, начать поиск свидетелей того события. Вернувшись на родину, она с помощью газетчиков выяснила, что «крестница» советского врача жива. Это Кветослава Вецлова.

Потом в Москву пришло письмо от матери Кветославы, затем от неё самой, а вскоре «крестница» побывала в гостях у Ефима Ильича. Вот и всплыл в памяти образ человека, ставшего близким сердцу старого солдата, заставил пережить волнительный момент.

Ефим Ильич достал из кармана платок, вытер выступившие то ли от пережитого волнения, то ли от жары капельки пота. Солнце перевалило за полдень, но воздух, насыщенный испарениями асфальта и газами автомобилей, не остывал. Вот это денёк! И летом, пожалуй, таких жарких дней не было. По-видимому, в небесной канцелярии обнаружили не истраченный лимит тепла для Москвы да и включили «обогреватель» на всю катушку. Давно, давно не грелась душа на таком жарком осеннем солнце. Наверное, после Амура такого и не было. Ребята-пограничники говорили, что там в году триста шестьдесят дней солнечные, а остальные пасмурные. Конечно, с Ленинградом, откуда он был направлен на Дальний Восток, Приамурье не сравнить. Для Невы и Балтики более подходят краски серые, цвета сдержанные и даже суровые. А Амур — это буйство красок. Особенно осенью — глубокая голубизна неба, костёр «полыхающих» сопок и тёмная синь воды.

Десять лет отдал службе на Дальнем Востоке начальник медицинской службы Аронов. Много друзей осталось у него на Амуре. Сильно полюбился этот край. Да и как его не полюбить с его контрастами и просторами? С трескучими морозами под сорок и летней жарой под сорок.

Любил Ефим Ильич выезжать из Благовещенска на дальние заставы. Ближе к «передовой», ближе к природе. Незабываемы вечера на Амуре, когда в свободную минуту вечером можно было посидеть на берегу у костра, от кото-

рого шёл необыкновенный запах ухи. Запах ухи и голубой дым, сливающийся над водой с кисеёй дыма горячей тайги. Как у поэта:

Над Амуром колышется дым
От лесных неуёмных пожаров.
Это лето платком голубым
На прощание нам помахало...

И настолько живо это вспомнилось, что показалось: откуда-то потянуло дымком. Он даже глубже вдохнул, потянул носом воздух. Нет, дыма нет! И откуда мог появиться дым костра посреди Москвы?

— Что, старина, отдыхаешь? — На плечо Ефима Ильича легла рука.

Он мог, не оборачиваясь, назвать хозяина этой руки. Конечно же, это Станислав. Станислав Ростокский. Фронтовой товарищ. Теперь знаменитый кинорежиссёр, лауреат Ленинской премии, автор фильма, признанного Академией киноискусства Америки лучшим в мире, фильма «А зори здесь тихие». И ещё: это человек, в судьбе которого Ефим Аронов принял непосредственное и не последнее участие. А может быть, и одно из главных — вернул к жизни после тяжёлого ранения.

Ефим Ильич поднялся навстречу. Обнялись.

— Отдыхаю, Станислав. А заодно брожу по переулкам памяти. Что-то сегодня тянет на воспоминания.

— Наверное, погода располагает?

— Может быть, и погода.

— А у меня, брат, дела в Большом. Несмотря на то, что сегодня воскресенье. «Ни сна, ни отдыха измученной душе». Вот видишь, даже собственных слов не хватает для выражения чувств. Доля такая...

— Доля... Нашей доле многие позавидовать могут. Но не завидуют.

— У тебя, Ильич, здесь не деловая встреча? Не помешал?

— Нет. Говорю же тебе — отдыхаю.

— Не пойти ли нам куда-нибудь перекусить? С утра во рту маковой росинки не было.

— Предложение деловое. Поддерживаю.

— Тогда идём. На Пушкинской есть уютное местечко — кафе «Артистическое».

— Не возражаю. Бывал я там. Там познакомился с Олегом Ефремовым. Это его любимое место отдыха...

Домой Ефим Ильич вернулся в сумерки. Встретила жена Татьяна:

— В такую жару ты ходишь по городу. Лучше бы дома отдохнул, телевизор бы посмотрел, книгу почитал.

— Я и отдыхал, и книгу читал. Книгу памяти...